

Ю. Д. Талько-Грынцевич

К антропологии тунгусов

Иройские хамнеганы

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Ю11

Ю. Д. Талько-Грынцевич
Ю11 К антропологии тунгусов: Иройские хамнеганы / Ю. Д. Талько-Грынцевич –
М.: Книга по Требованию, 2015. – 140 с.

ISBN 978-5-458-02187-6

Труды Троицкосавско-Кяхтинского Отделения Приамурского Отдела Императорского Русского Географического Общества. Том 7. Выпуск 3, 1904.

К антропологии тунгусов. Иройские хамнеганы. Антрополого-этнологический очерк. С одной фототипией.

ISBN 978-5-458-02187-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

нужно смотрѣть, какъ на остатки нѣкогда болѣе численнаго населенія, которое, какъ шаманы и звѣроловы, не могли устоять противъ высшей культуры, представителями которой явились съ принятіемъ ламайства буряты и монголы, почему тунгусы стали постепенно ассимилироваться чуждыми для нихъ племенами, обурятиваться или омонголиваться, а съ принятіемъ христіанства—обрусѣвать, или объякучиваться. Слѣдовательно тунгусовъ въ значительной степени постигла та же печальная участь, которая была удѣломъ многихъ племенъ Сибири и, въ соприкосновеніи съ высшей культурой, они вымирали, или же перемѣняли форму существованія. Можно полагать, что на территоріи современной Сибири есть народы, которые въ разныя эпохи своего существованія мѣняли свою наружную оболочку и извѣстны были подъ другими названіями, сообразно принимаемому ими языку и культу. Съ перемѣной этнографическихъ особенностей въ нихъ долѣе могъ уцѣлѣть антропологическій типъ. Тѣ племена, которыя могли сплотиться въ одно цѣлое, достигнувъ извѣстной культуры и законченности въ созданіи обособленности этнографической единицы, могли легче отстаивать свои особенности нежели напр. тунгусское племя, которое не только не достигло извѣстнаго сплоченія культурнаго и территоріальнаго, но напротивъ, удалившись отъ первоначальной своей колыбели и разсѣявшись на огромныхъ пространствахъ, оно распалось на множество мелкихъ народовъ и не могло не подпасть вліянію чуждыхъ ему по крови болѣе культурныхъ народовъ. Но какъ и всякое племя, нѣкоторыя вѣтви тунгусовъ имѣли періодъ своего процвѣтанія и проявленія высшихъ духовныхъ силъ. Такая судьба выпала на долю народовъ этого племени, поселившихся по теченію р. Амура, изъ которыхъ нѣкоторые сыграли выдающуюся роль въ исторіи востока. Напр., народъ обитающій по среднему теченію Амура, Изху или Нюйчжэни, выдвигается въ VIII в. и во время Чингисъ-хана въ XIII в. достигаетъ извѣстнаго могущества, далѣе Кидане дѣлаются извѣстными въ X вѣкѣ, основываютъ въ Китаѣ свою династію, царствовавшую болѣе двухъ столѣтій и завладѣвшую огромными пространствами отъ Байкала до Кореи и отъ Хами до устья Амура. Династія эта потомъ низвергается другимъ храбрымъ тунгусскимъ племенемъ Юэчжи, которое совмѣстно съ монгольскими ханами образуетъ Тунгусское Государство,

достигшее известнаго могущества. Династія эта, известная подъ именемъ Цзинь (золотыхъ государей), падаетъ подъ ударами Чингисхановыхъ полчищъ въ XIII вѣкѣ. Черезъ нѣсколько вѣковъ выдвигается новый тунгузскій народъ Маньчжуры, воссоединяющій всѣ мелкія орды и въ 1583 г. починающій своей династіей весь Китай, Тибетъ, Малую Бухарію, Чжунгарію и Монголію. Самая сѣверная изъ Маньчжурскихъ ордъ, Дауры, жившіе по притоку р. Сунгари Нонни, завладѣваютъ современнымъ Забайкальемъ, которое получаетъ отъ нихъ названіе Дауріи. Съ прибытіемъ русскихъ, Дауры удалились на другую сторону Аргуни, а ихъ мѣста заняли Монголы и Тунгусы. Кромѣ Дауровъ другіе мелкіе тунгузскіе народы, какъ Даоры, Тагуры, Дори, Таргазины и Мергенцы еще до водворенія русскихъ въ Сибири поселились по среднему теченію Амура и присоединились къ Маньчжурамъ, другіе же расселились по Забайкалью. Кромѣ Маньчжуровъ и Дауровъ, Шренкъ къ тунгусамъ Амурскаго края причисляетъ Солонцовъ, кочующихъ по верховьямъ р. Сунгари, Ороchonъ и Манегровъ по нижнему теченію Амура, Гольдовъ за хребтомъ по низовьямъ правыхъ притоковъ Амура, ниже ихъ Ольчовъ и Мангунъ. По лѣвымъ притокамъ Амура расположились: по р. Бурей-Бирары, по Куру-Кили, по Горину-Самагирцы, по Амгуни-Негидальцы. Къ востоку отъ Нижняго-Амура и отъ Уссури по верховьямъ ихъ правыхъ притоковъ, по береговому горному хребту и вдоль морского берега тянутся кочевья Орочей, а въ средней части Сахалина—Ороки. Есть еще мелкія тунгузскія племена, кочующія по берегамъ Охотскаго моря, по притокамъ нижняго Амура и отъ бассейновъ Уды и Лены къ южному склону Становаго хребта и къ притокамъ Бурей и Зеи. Въ Забайкальской области кочующія тунгузскія племена называются Ороченами, а осѣдлыя, отчасти обрусѣвшія, — Тунгусами. Они живутъ преимущественно въ Читинскомъ и Баргузинскомъ уѣздахъ. Послѣднее названіе даютъ и живущимъ по рр. Ленѣ, Витиму, Олекмѣ и въ Якутской Области. Якутскіе тунгусы, какъ, нѣкоторые изъ Майскихъ и Приаянскихъ, живутъ и осѣдло, занимаясь рыболовствомъ, звѣроловствомъ, скотоводствомъ, возкой чая и даже хлѣбопашествомъ. Они въ значительной части объякутились по языку и обычаямъ. Эксплуатируемы и распаиваемы въ одной мѣстными русскими торговцами и ссыльными сектантами, они

большою частью обрѣчены на вымирание. Тунгусы, живущіе какъ бы оазами среди сплошнаго населенія бурятскаго или монгольскаго, какъ напр., въ юго-западной части Забайкалья въ Армакской инородной Управѣ Селенгинскаго уѣзда по верховьямъ р. Джиды, такъ равно въ сѣверо-восточной Монголіи по верховьямъ р. Иро, извѣстны подъ именемъ Хамнеганъ. Первые изъ нихъ были уже изслѣдованы мною и свѣдѣнія о нихъ находятся въ моемъ еще ненапечатанномъ трудѣ „Матеріалы къ антропологии Монголіи и Забайкалья“, вторымъ же посвящена настоящая работа.

Болѣе подробныя свѣдѣнія о размѣщеніи тунгузскихъ племенъ помѣщены въ вышеупомянутой работѣ, а теперь, прежде нежели перейти къ собственно антропологической части настоящаго труда, мы предпосылаемъ ему краткія, собранныя нами среди Хамнеганъ, этнографическія свѣдѣнія.

I. Этнографическій очеркъ.

Иройскіе тунгусы, обыкновенно называемые „Хамнеганми“ (чертовыми людьми), живутъ въ сѣверо-восточной Монголіи, въ 150—200 верстѣ на Ю.-В. отъ г. Троицко-савска и въ 400 вер. въ такомъ же направленіи отъ арматскихъ тунгусовъ или хамнеганъ, изслѣдованныхъ мною раньше. Они кочуютъ въ мѣстности отдаленной отъ большой трактовой дороги, въ пустынныхъ лѣсныхъ падахъ верховьевъ р. Иро, правого притока р. Орхона, и по падамъ образующимся между притоками р. Иро. Въ пади Тангуй по рр. Акъ и Бугунтую до впаденія рр. Бырлыка и Ялбыка, по рр. Шаралуну и Кэрелюну и далѣе по притокамъ р. Чикоя Голтатаю и Тумуртую узкой полосой до р. Мензы, а оттуда еще болѣе узкой лентой поселенія ихъ тянутся до р. Амура. Такимъ образомъ Иройскіе тунгусы живутъ среди сплошнаго монгольскаго населенія, образуя какъ бы оазисъ, занимающій приблизительно 80 верстѣ вверхъ по теченію р. Иро. Въ самой вершинѣ этой рѣки, въ центрѣ поселенія Хамнеганъ, лежатъ извѣстные горячіе источники, вокругъ которыхъ расположилось до 250 юртѣ съ населеніемъ свыше 1000 человѣкъ, состоящихъ въ подданствѣ Цэцэнъ-хана, по ниже ихъ по р. Иро 200 юртѣ съ 800 человѣкъ въ подданствѣ Ургинскаго Богдо-гэгена, числящихся въ такъ называемомъ Шабинскомъ вѣдомствѣ.

Нѣтъ никакихъ указаній въ преданіяхъ о времени пришествія хамнеганъ на современныя ихъ поселенія. Очень возможно предполагать, что они пришли раньше монголовъ, часть ихъ была оттѣснена на сѣверъ послѣдними, а остатки тунгусовъ хамнегане, сохранились мѣстами, какъ обособленная антропологическая единица, ассимилированная этнографически монголами съ оставленіемъ шаманства и съ принятіемъ отъ нихъ ламаизма и потерявшая свой первобытный языкъ, нравы, обычаи и даже преданія, подпавъ почти всецѣло чуждой для нихъ культурѣ. Хамнегане, однако, помимо всего этого ясно сознаютъ, что они чужды по крови монголамъ и у нихъ существуетъ легенда, что будто бы три тысячи лѣтъ тому назадъ они жили на западѣ на Алтаѣ и когда у сосѣдняго съ ними народа сойотовъ, во время княженія у послѣднихъ Байбы-хана и Бурь-хана, возникли безурядицы и голодъ тяжело отзывавшіеся на нихъ, Хамнеганы должны были бѣжать и потомъ стали постепенно подвигаться на востокъ, идя „гуськомъ“, съ Алтая на Амуръ въ теченіи вѣка. Съ Алтая на Иро они шли лѣтъ 30. Первыми выходцами изъ древней ихъ родины были три брата, нѣкогда очень богатые, но потомъ разоренные вышесказанными ханами. За этими братьями потянулись цѣлыя полчища вооруженныя стрѣлами и луками. Они были хорошіе звѣровщики, по дорогѣ стрѣляли дичь и ею кормились. Гуськомъ, идущіе на Амуръ, тунгусы по дорогѣ оставляли время отъ времени своихъ единоплеменниковъ и, такимъ образомъ, послѣдніе остались, по легендѣ, разсѣянными, какъ орочены подлѣ Байкала, на Арманѣ и на Иро. Хамнеганы, какъ видно изъ этой легенды, сознаютъ кровную связь съ другими народами тунгузскаго племени. На то, что мѣста, занятія нынѣ хамнеганями были впервые ими заняты и раньше не были извѣстны монголамъ, указываетъ рассказъ объ Иройскихъ горячихъ источникахъ, подлѣ которыхъ жили хамнеганы — звѣроловы въ талантахъ изъ древесной коры, осквернявшіе источникъ и пользовавшіеся его водою для варки кроваваго мяса только что убитыхъ ими звѣрей. Хамнеганы не знали цѣлебнаго значенія источника и только пріѣхавшіе ламы (монголы), удостовѣрившись въ томъ, что источникъ можетъ исцѣлять всякаго рода болѣзни, стали туда посылать больныхъ. Впрочемъ монгольскіе ламы о происхожденіи хамнеганъ передаютъ другое сказаніе. Когда

однажды захвораль ургинскій хутухта, ламы порѣшили, что смерть его неизбежна, если не перевести болѣзнь на кого нибудь другого. Узнавши объ этомъ, владѣтельные князья послали гэгэну по нѣсколько подданныхъ съ этой цѣлью. Когда остался живъ, а часть присланныхъ людей были посланы для заселенія лѣсистыхъ горъ на верховья р. Иро и составили, вполнѣдствіи гэгэновскихъ подданныхъ Шабинскаго вѣдомства. Со временемъ они, живя въ лѣсахъ и будучи звѣроловами, одичали и въ отличіе отъ монголовъ стали называться хамнеганями. Нѣкоторые изъ тунгусовъ меня увѣряли, что названіе хамнеганъ принесено съ Алтая.

Если и есть въ преданіяхъ хамнеганъ что нибудь отличающее ихъ отъ монголовъ, то это выступаетъ очень не ясно въ видѣ вариантовъ, позаимствованныхъ отъ послѣднихъ,—будутъ-ли это мифическія повѣствованія болѣе древнія, или же историческія сказанія болѣе позднихъ временъ о родствѣ народовъ и династій, перемѣшанные съ фантастическими приключеніями, религіозными вѣрованіями и фактами изъ обыденной жизни. Я приведу для примѣра нѣсколько записанныхъ мною рассказовъ со словъ или по записямъ Хамнегана изъ пади Тангуя ламы Дандзина. Многимъ сказаніямъ, по его мнѣнію, до 3 тысячъ лѣтъ, первый чловѣкъ по представленію хамнеганъ, которое впрочемъ свойственно и всѣмъ вѣрующимъ будистамъ, произошелъ изъ бѣлаго цвѣтка „Ленхаба“ (Лотосъ) — созданнаго богомъ первоначально, который постепенно превратился въ чловѣка. Первое поколѣніе людей было очень слабое и хилое, и только тогда, когда люди начали размножаться они стали крѣпнуть.

Есть еще у хамнеганъ легенды, вариантъ которыхъ записанъ Я. С. Смолевымъ у бурятъ табангутскаго рода,¹⁾ вѣроятно позаимствованныя у монголовъ, о какомъ то родствѣ царствующихъ династій на землѣ. Въ одной легендѣ говорится, что у Чингисъ-хана была сестра, она отправилась куда-то на западъ и воцарилась на одномъ изъ могущественныхъ престоловъ восточной Европы. Въ другой — что стряпуха Чингисъ-хана родила ребенка и зарыла его въ соломѣ. Найденный ребенокъ былъ воспитанъ Чингисъ-ханомъ и, достигши возмужалости, прославился своею храбростію

---

¹⁾ Я. С. Смоленъ. Три табангутскихъ рода селенгинскихъ бурятъ и т. д.

и мужествомъ и, прозванный Солонгъ-ханомъ, царствовалъ потомъ гдѣ-то на западѣ.

Слѣдующій разсказъ, варіантъ котораго то же приводитъ Смолевъ¹⁾, записанъ мною со словъ того же ламы. Въ мѣстности, лежащей на западѣ и называемой Ганджу, одинъ звѣровщикъ пошелъ на промыселъ, а въ лѣсу былъ палъ. Вдругъ онъ видитъ, что передъ огнемъ ползетъ большая змѣя длиною въ 1 алданъ (размахъ рукъ). Желая ее спасти, звѣровщикъ взялъ змѣю на длинную палку и отнесъ въ сторону, а самъ пошелъ дальше въ лѣсъ. Тамъ онъ встрѣтилъ человѣка въ дорогой бѣлой одеждѣ, сидящаго верхомъ на бѣлой лошади, который сказалъ ему: „ты мнѣ оказалъ большую услугу такъ какъ спасъ не змѣю, а мое дитя“. Онъ повелъ звѣровщика въ домъ и подарилъ ему за это маленькую золотую шкатулку, совѣтуя открывать ее только ночью, чтобы она не была замѣчена людьми, предупредивъ при этомъ, что въ шкатулкѣ сидитъ дочь его, которая и будетъ его женою. Шкатулка эта осчастливила звѣровщика. Онъ обыкновенно открывалъ ее ночью, тогда выходила изъ шкатулки жена, въ юртѣ дѣлалось весело и богато и звѣровщикъ зажилъ хорошо. Но, къ сожалѣнію, благоденствіе его было лишь ночное, днемъ же оно исчезало, и звѣровщикъ по прежнему бѣдствовалъ. Желая имѣть одинаковое довольство и днемъ и ночью, онъ порѣшилъ продать шкатулку, оставивши у себя жену. Послѣдняя стала упрекать мужа говоря, что онъ продастъ съ этимъ и свое счастье. Дѣйствительно, когда красоту жены увидѣли днемъ люди, то разнесли о ней молву и когда вѣсть объ этомъ дошла до хана, онъ послалъ тысячу людей съ начальникомъ къ звѣровщику, чтобы отнять у него жену. Жена, уважая, успѣла однако оставить записку мужу, чтобы онъ пріѣхалъ къ ней тайкомъ черезъ 25 дней. Звѣровщикъ, одѣвши въ шубу изъ сорочьихъ шкурокъ, пошелъ къ хану; жена уже издали его замѣтила и предложила хану посмотрѣть на человѣка въ сорочьей шубѣ и, выйдя на балконъ, начала смѣяться, чему ханъ очень удивился, такъ какъ раньше никогда не видалъ ее смѣющейся. Веселье жены хану не понравилось и онъ велѣлъ убить человѣка въ сорочьей шубѣ. Но ханша заставила прежде снять съ него шубу, надѣла ее на хана и от-

---

¹ Я. С. Смолевъ, I. с.

правила его къ войску, повторивши вмѣстѣ съ тѣмъ ханское приказаніе. Войско, не узнавши хана, убило его а звѣровщикъ, пробравшись въ ханскій дворецъ, сталъ царствовать какъ ханъ со своей женой.

Вотъ еще одна легенда. Подлѣ горы Малія на западѣ жилъ нѣкій богатый человѣкъ, подданный могущественнаго хана Балбы, имѣвшій тысячу штукъ скота. Въ этомъ стадѣ была одна корова съ 8-ью рогами, и вдругъ она потерялась. Хозяинъ сѣлъ на быка и поѣхалъ искать корову. Но въ это самое время поднялась такая буря, что онъ не могъ ѣхать, остановился на ночлегъ у подошвы горы Малія и, помолившись, уснулъ на берегу ключа. Во снѣ явились ему два духа, хозяева этой мѣстности, которые сказали, что сдѣлаютъ его всевидящимъ. Пробудившись, онъ нашелъ подлѣ ключа корову, и получилъ способность отгадывать мѣстонахожденіе пропавшихъ вещей. Когда онъ возвратился домой, къ нему приходитъ воръ и спрашиваетъ: „откуда ты добылъ корову и гдѣ ночевалъ?“ Узнавъ отъ него обо всемъ подробно, воръ пошелъ подъ гору, на то мѣсто, гдѣ ночевалъ этотъ человѣкъ, и сталъ молиться, чтобы получить силу всевѣдѣнія и затѣмъ уснулъ. Духи, по совѣщаніи, порѣшили въ наказаніе превратить вора въ женщину дѣвушку, которая вышла замужъ за самаго бѣднаго человѣка вдовца. Отъ перваго брака у него было 3 дочери, а отъ послѣдняго родилось 3 сына. Однажды къ этой женщинѣ приходитъ человѣкъ съ опухолью на головѣ и узнавши о ея прошломъ, спрашиваетъ какимъ образомъ она изъ мужчины превратилась въ женщину. Она рассказала ему свое перерожденіе добавивъ, что за добро платятъ добромъ, а за зло зломъ. Человѣкъ на это отвѣтилъ: „Надо и мнѣ помолиться, чтобы избавиться отъ опухоли“, и пошелъ ночевать къ ключу. На другой день опухоль исчезла. Духи рѣшили на совѣщаніи, что такъ какъ опухоль выросла у него безвинно, лишь потому, что онъ срѣзалъ коростъ съ березы, — снять съ него наказаніе. Къ этому человѣку приходитъ потомъ одинъ воръ съ шишкой на носу. Онъ передалъ вору о своемъ приключеніи, и послѣдній, желая избавиться отъ своего безобразія, отправляется тоже на ночлегъ къ ключу. Но когда онъ проснулся, то шишка на носу не только не исчезла, но духи надѣлили его еще другой шишкой на головѣ, тою самою, которая росла у человѣка, съ опухшею головой раньше

къ нимъ обращавагося и отъ нея избавившагося. Вернувшись домой, онъ услышалъ неизвѣстный голосъ, который сказалъ ему: „Вотъ какъ платять за добро добромъ, а за зло зломъ“. Съ тѣхъ поръ человекъ этотъ пересталъ воровать.

Живя среди природы, камнегане имѣютъ, вѣроятно, богатую сокровищницу народныхъ вѣрованій и предрасудковъ по отношенію животнаго и растительнаго міра; мы успѣли записать у нихъ лишь интересную для насъ сказку о тарбаганѣ (байбакѣ). Въ старину было 8 солнцъ. Однажды Богъ сказалъ звѣровщику, что будетъ сильная засуха и что онъ долженъ застрѣлить три солнцъ, если же онъ этого приказанія не исполнитъ, то въ наказаніе превратится въ звѣря, который будетъ жить въ землѣ, вмѣсто воды пить росу и что у него будетъ отнять одинъ палець. Дѣйствительно Богъ превратилъ звѣровщика въ тарбагана, потомство котораго расплодилось повсюду въ громадномъ количествѣ; вся земля покрылась множествомъ норъ и ямъ и людямъ стало опасно ѣздить по землѣ. Но когда Богъ это увидѣлъ, то поймалъ тарбагана—бывшаго звѣровщика и повелѣлъ ему: „Уменьшить число своихъ чертей“. Съ тѣхъ поръ тарбагановъ стало меньше и они начали водиться лишь въ сухихъ мѣстахъ, гдѣ поменьше воды¹⁾.

Приведу еще переводъ пѣсни, которую спѣлъ звѣровщикъ, сынъ ламы Даандзына. „Была дѣвица—бурханъ и украла 33 табуна лошадей, изъ которыхъ было 13 иноходцевъ; одинъ изъ нихъ былъ съ такимъ мягкимъ ходомъ, что носилъ на спинѣ не проливая полную чашку воды, несясь съ быстротою стрѣлы. У этой лошади сѣдло было изъ душистаго дерева, а стремяна серебряныя, вѣсомъ 4 фунта, путы были длиною въ алданъ (размахъ рукъ) и толщиною въ человѣческую руку. Дѣвица верхомъ на этой лошади поѣхала на войну и не столько стрѣляла, сколько ея лошадь истоптала ногами непріятелей. Возвращаясь домой она удивляется тому, что люди принимаютъ ее по оружію за мужчину, а по косѣ за женщину и говоритъ: „Какое ты мнѣ, мать, дала крѣпкое тѣло, хотя я въ сраженіи получила 13 ранъ, однако всѣ безболѣзненны“!

Было бы весьма желательно, чтобы дальнѣйшія этно-

---

¹⁾ См. вариантъ у Я. С. Смолева. „Бурятская легенда о тарбаганѣ“ (Труды Троицкосавск.-Кяхт. Отд. Приам. Отд. И. Р. Г. О., т. III., вып. 1900).

графическія изслѣдованія разъяснили намъ будущемъ тѣ особенности, которыя еще сохранились у подпавшихъ монгольской культурѣ тунгусовъ, въ особенности повыше верхняго теченія р. Иро, близъ горячаго источника, гдѣ еще съ остатками языка могли остаться и пережитки ихъ прошлаго.

Какъ я уже выше сказалъ въ настоящемъ очеркѣ, часть хамнеганъ состоитъ въ подданствѣ Ургинскаго гэгэна, составляя Шибинское вѣдомство, жители котораго находятся въ относительно лучшемъ матеріальномъ положеніи, нежели хамнегане—подданные Цэцэнъ-хана. Я говорю только относительно, потому что и тѣ и другіе истощены ббльшими податями и, живя еще дальше отъ болѣе населенныхъ центровъ, лишены и тѣхъ скудныхъ заработковъ, какими могутъ пользоваться монголы, какъ извозъ, доставка дровъ, сѣна и т. д. Въ отличіе отъ своихъ сородичей, подданныхъ Цэцэнъ-хана, хамнеганы гэгэновскіе не несутъ военной службы и платятъ меньше податей, хотя послѣднія и такъ очень высоки, отъ 5 до 100 ланъ ¹⁾ съ юрты, хотя въ послѣдніе годы, по случаю падежей скота, подати уменьшились, такъ какъ населеніе впало въ нищету. Подати, платимыя гэгэну хамнеганами Шабинскаго вѣдомства, превышаютъ нынѣ 8 тысячъ ланъ. Подати же хамнеганъ Цэцэнъ-хановскаго аймака превышаютъ въ нѣсколько разъ эту сумму. Шабинскимъ вѣдомствомъ завѣдуетъ особый чиновникъ—Даргуи, въ зависимости отъ завѣдующаго всѣмъ Шабинскимъ вѣдомствомъ, проживающаго въ Ургѣ, Шандзабѣ. Въ Цэцэнъ-хановскомъ аймакѣ каждыи 150 душами завѣдуетъ зайсанъ. Въ виду того, что хамнеганы живутъ очень мирно и преступленія среди нихъ встрѣчаются очень рѣдко, занятіе значительныхъ чиновниковъ низводится главнымъ образомъ до сбора податей, которыя распредѣляются выборными изъ среды населенія.

Хотя хамнеганы, какъ и монголы, въ отличіе отъ бурятъ утратили свое родовое дѣленіе, тѣмъ не менѣе у нихъ осталось еще преданіе о значеніи рода (дугаръ) чего у монголовъ уже не существуетъ, многіе же изъ хамнеганъ знаютъ, что у нихъ нѣкогда различали 6 родовъ, которые нынѣ очень смѣшаны, а именно 4 рода Пійнхинъ и два рода хамнеганъ.

---

¹⁾ 1 ланъ = 2 серебр. рублямъ.

Помимо утраты своей этнографической особенности, хамнеганы живут изолированно, не смѣшиваются кровнымъ родствомъ съ монголами (развѣ на границахъ своихъ поселеній съ ними), отличаютъ себя по типу отъ монголь, которые видятъ въ нихъ людей менѣе культурныхъ, болѣе суевѣрныхъ, смѣются надъ ихъ неуклюжестью, грубымъ обращеніемъ и надъ искаженнымъ языкомъ которымъ они говорятъ. Хамнеганы живутъ первобытнѣе и бѣднѣе при болѣе грубыхъ привычкахъ, нежели монголы. При малыхъ потребностяхъ, хамнеганы славились въ старину своей зажиточностью. Обилье въ лѣсахъ дичи давало имъ значительную добычу, а богатая пастбища въ лѣсахъ позволяли разводить большіе табуны лошадей и скота. При недостаткѣ другихъ промысловъ, звѣриный, составляя единственное средство для пропитанія, возведенъ былъ въ религіозный культъ. Но, со временемъ, количество дикаго звѣря стало уменьшаться, и когда въ старину главный предметъ охоты составляли сѣверные олени, изюбры, соболи, рыси, лоси, нынѣ охота изаводится почти лишь до козьяго и бѣличьяго промысла. Скотоводство тоже пало. Въ прежніе годы многіе изъ хамнеганъ имѣли до 60 головъ рогатаго скота, лошадей отъ 20—30, баранъ до 300, а у богатыхъ нерѣдко табуны доходили до 1000 головъ, нынѣ же считаются богатыми имѣющіе до 100 головъ скота, 20 лошадей и до 50 баранъ. Какъ истребленіе лѣсовъ было поводомъ уменьшенія дичи, такъ чума рогатаго скота за послѣдніе 8—4 года значительно подорвала экономическое благосостояніе хамнеганъ.

То, что высказывали многіе путешественники по отношенію тунгусовъ на счетъ ихъ „рыцарскихъ“ нравовъ, называя ихъ „дворянами Сибири“, можно примѣнить и къ хамнеганамъ. Если они суровѣе въ нравахъ, то за то прямѣе и не такъ лукавы, какъ монголы, испорченные лоскомъ внѣшней цивилизаціи, приносимой имъ русскими. Хлѣбосоольство, готовность безвозмездно услужить другому является чертой ихъ характера. Такими ихъ представляютъ въ отношеніяхъ къ себѣ и русскіе казаки ближайшихъ станицъ Шарагольской и Усть-Урлукской, имѣющіе съ ними многолѣтнія связи и пользующіеся постоянно ихъ услугами, свободной охотой, рыболовствомъ, сѣнокосами и пастбищами. Хамнеганы интересуются всѣмъ ихъ окружающимъ, отличаются наблюдательностью и миролюбіемъ. Благодаря поддан-